

Вэй Ин больше не говорил ни слова и быстро повёл Е Цинъюн обратно по обходной дороге. Они один за другим нырнули в переулок. Небо уже успело потемнеть, освещение здесь было никудашным, а между высокими стенами ложилась густая тень — всё вокруг казалось размытым и нечётким.

Подобных переулков здесь хватало с избытком, и тот, кто плохо знал дорогу, вряд ли решился бы соваться сюда: того и гляди заблудишься в хитросплетении проходов. Зато Янь Линьчуань ориентировался здесь превосходно, и вскоре они миновали торговые ряды. Когда оба вышли из переулка, все лавки и прилавки давно остались позади.

Теперь вокруг не было ни души, кроме них двоих. Янь Линьчуань немного замедлил шаг, оглянулся на запыхавшегося Е Цинъюна и спросил:

— Ты как, в порядке?

Е Цинъюн в последнее время не ходил так быстро и не сразу привык к этому.

— Всё в порядке...

Янь Линьчуань почувствовал себя виноватым и протянул руку, чтобы поддержать его:

— Твоя рана ещё не зажила, а я сорвался так внезапно. Впрочем, теперь мы в безопасности, пойдём медленно, спешить некуда.

Е Цинъюн немного выровнял дыхание, пошёл рядом с Янь Линьчуанем и спросил:

— Что случилось? Нас что, кто-то преследовал?

Янь Линьчуань бросил на него взгляд:

— Не исключено. Впрочем, возможно, я просто стал слишком чувствительным в последнее время.

Непонятно было, кого он пытался утешить — Е Цинъюна или самого себя. Шагая заложив руки за спину, Янь Линьчуань постепенно нахмурился. На самом деле, странности начались не сегодня — ещё пару дней назад он почувствовал неладное.

Сначала ему казалось, что кто-то тайком следует за ним по пятам на улице, а позже, когда он вернулся в резиденцию и отворил дверь в кабинет, хотя всё лежало на своих местах, у него осталось смутное ощущение, что к чему-то прикасались.

Слуги в Резиденция генерала заходили в кабинет Янь Линьчуаня только ради уборки пыли, и то без особой надобности никто туда не совался.

— Наверное, окно неплотно закрыли. Тревожный осенний ветер поднялся, вот и растрепал

бумаги, — рассуждал тогда старый управляющий, оглядывая комнату. Письменный стол выглядел слегка беспорядочно, но следов чужого вмешательства не было заметно, и он направился к окну, чтобы закрыть его. — Уборку делали пару дней назад, могли забыть задвинуть створки. Генерал, посмотрите, не пропало ли чего важного?

— Погоди, я сам.

Янь Линьчуань сделал пару шагов и остановил его. Старый управляющий отступил назад и увидел, как генерал подошёл к окну, выглянул наружу, провёл пальцем по подоконнику и растёр пыль. Снаружи рос старый банан с раскидистыми листьями, которые наполовину загораживали вид, а зелёная листва пропускала рассеянный свет. Земля внизу была сухой, и разглядеть что-либо не представлялось возможным, поэтому он бросил это занятие.

Вчера он весь день пробыл дома, всё шло своим чередом, и Янь Линьчуань уже почти уверился, что минувшие подозрения были лишь плодом его воображения. Кто бы мог подумать, что стоило ему только перешагнуть порог, как ощущение чужого взгляда вернулось вновь.

Раз или два ещё можно было списать на случайность, но на третий раз Янь Линьчуань окончательно убедился, что за ним следят.

В конце концов, генералу Яню довелось немало повидать на веку в бесконечных сражениях, и открытого оружия он не боялся. Вот только он никак не ожидал, что по возвращении в родные края столкнется с точно такими же исподтише устроенными кознями, и в памяти вновь всплыла горькая истина о том, что от скрытой стрелы трудно защититься.

Янь Линьчуань тихо вздохнул: право слово, передышки не выдалось ни на день.

Е Цинъин ни о чём не расспрашивал, но на душе у него было беспокойно — он всё ещё тревожился, вспомнив мелькнувшую тень. В этом силуэте угадывался Сюэ Чун. Скорее его прислали вовсе не в помощники, а для того, чтобы они следили друг за другом. Ни доверия между ними не было, ни веры кому бы то ни было вообще. Вдобавок ко всему, в прошлый раз они расстались на ножах, и Е Цинъин опасался, как бы Сюэ Чун сгоряча не натворил каких-нибудь глупостей.

Погруженные каждый в свои мысли, они всю дорогу хранили молчание. Не доходя до Сад Лань какое-то расстояние, Янь Линьчуань прекратил провожать спутника.

Половина его фигуры тонула в темноте, когда он бросил на Е Цинъина взгляд:

— Возвращайся, мне нужно кое-куда отлучиться.

Е Цинъин опомнился, остановился на месте, кивнул и выдавил из себя:

— Будь осторожен.

Глаза Янь Линьчуаня в темноте внезапно вспыхнули, и он тихо произнес:

— Мм.

Он так и стоял неподвижно, провожая взглядом спину Е Цинъина: вот тот постучал в дверь, слуга с фонарем вышел ему навстречу, впустив внутрь, а затем тяжелая створка медленно закрылась, отрезая последние лучи света. Янь Линьчуань моргнул и отвел взгляд в сторону.

Позади слышались чьи-то шаги. Вэй Ин, с головы до ног укутанный в чёрное, произнес с суровым лицом:

— Генерал.

Янь Линьчуань качнулся и, бросив взгляд на безмятежную даль, велел:

— За мной.

Сад Лань располагался на отшибе, утопая в зарослях белых магнолий, которые словно отгораживали его от всего остального мира. К вечеру здесь становилось еще тише. Посторонние сюда почти не заглядывали, и после наступления темноты по двору изредка прохаживались лишь двое слуг, а в гостевые комнаты и вовсе никто не совался.

Е Цинъин вернулся поздно, как раз перед тем, как слуги собирались отходить ко сну. Не желая никого беспокоить, он сам подошел к двери и, едва успел прикоснуться к ней, как та тихо щелкнула и подалась вперед.

Е Цинъин замер на пороге.

В комнате кто-то был.

Лунный свет падал лишь на самый порог, погружая помещение во тьму. Было видно лишь то, что стоявший посреди комнаты стол наполовину купался в лунном сиянии, а наполовину тонул во мраке. У стола кто-то смутно угадывался — судя по звукам, неспешно пил чай.

Е Цинъин примерно догадывался, кто это мог быть. Окинув взглядом пустой двор, он осторожно шагнул внутрь и закрыл за собой дверь.

Притворяясь, замок издал едва слышный щелчок, и этот звук словно спустил невидимый курок: в темнотелых тенях шевельнулся силуэт. Застывший воздух внезапно пришел в движение, повеяло холодом. Е Цинъин стоял у самой двери, не двигаясь с места, и когда у горла заалел холодок угрозы, чужое движение тоже внезапно оборвалось.

Оба замерли у порога.

Одному к горлу приставили клинок, другой успел обратным хватом упереть кинжал в чужую грудь.

Е Цинъин легко усмехнулся, и в глубине его глаз сгустился ледяной холод:

— Убери клинок.

Сюэ Чун тоже хмыкнул:

— Какая ирония. Почему первым не уберешь ты?

Е Цинъин не ответил, лишь слегка надавил кинжалом вперед:

— Вообще-то, если я убью тебя, мне за это ничего не будет.

Судя по тому, с каким усилием он надавил, Е Цинъин вовсе не шутил и не собирался проявлять снисхождение.

Заметив неладное и опасаясь за свою шкуру, Сюэ Чун быстро подался назад и спрятал клинок в ножны:

— Ладно, жесток же ты.

С этими словами он снова уселся за стол.

Е Цинъин как раз опустил глаза, пряча кинжал в рукав, как вдруг заметил краем глаза вспышку света. Он мгновенно взмахнул рукой, и метательное оружие со свистом рассекло воздух, чиркнув прямо перед носом Сюэ Чун и погасив только что зажженную свечу.

Комната озарилась на мгновение, словно в глазах рябь пошла, и тут же вновь погрузилась во тьму.

Сюэ Чун от неожиданности покрылся холодным потом и зашипел сквозь зубы:

— Ты рехнулся?

Е Цинъин равнодушно произнес:

— Есть что сказать — говори и вали отсюда. Нечего лазить куда не просят.

Если судить по возрасту, Е Цинъин и Сюэ Чун были ровесниками, но Е Цинъин начал промышлять этим делом много раньше, а потому стоял в иерархии выше. Тем не менее, Е Цинъин не любил размахивать кулаками попусту и всегда держался вежливо и сдержанно. Грубо говоря, со стороны он выглядел изнеженным хлыщом, не способным поднять тяжести,

из-за чего Сюэ Чун при первой же встрече проникся к нему глубоким недоверием.

И если теперь он всё же испытывал к нему толику уважения, то лишь потому, что ещё ни разу не вышел победителем из схватки с Е Циньинем. Тот обладал поистине царственной гордыней, но и бил наверняка. И если Сюэ Чун не смел перечить ему и послушно тащился следом, то лишь потому, что прекрасно знал: если Е Циньин решит расправиться с кем-то, он не пощадит никого.

Проще говоря, Е Циньин в любой момент был готов рискнуть жизнью, а вот Сюэ Чун — нет. Из-за этой недосказанности он никогда не смог бы превзойти Е Циньина.

Сюэ Чун ненавидел эту его надменную манеру отстраненности, и ярость вновь вскипела в груди, но драться он не смел. К тому же сегодня он пришел вовсе не для того, чтобы ругаться: как бы то ни было, в конце концов им предстояло завершить задание вместе, иначе назад дороги не будет. Поразмыслив так и этак, он сдержался, сменил гнев на милость, изобразил на лице подобострастную улыбку и, развалившись на стуле и болтая ногой, протянул:

— Ой, да мы же с тобой в одной упряжке, к чему эта враждебность? Пусть характер у меня скверный, но ты всё-таки старший по званию, не обессудь. Я ведь сегодня за тем и пришёл, чтобы извиниться!

Е Циньин холодно фыркнул, ни на секунду не поверив в искренность этого человека.

Сюэ Чун продолжил:

— Раньше я был излишне горяч, прости великодушно. Кто же знал, что у молодого господина Цин Ин методы окажутся столь неординарными и впечатляющими? Нам, смертным, до такого далеко. Как там говорят... о, об этом даже помыслить страшно.

— И с чего это мы вдруг должны совершать добрые дела и подставлять спины под чужие палки? Оказывается, молодой господин думал о будущем. Добропорядочность воистину приносит плоды! Если бы не это, откуда бы мы узнали, что у этого Янь Линьчуаня здесь припрятан секрет, и что к нему можно запросто шастать туда-сюда? Спорим, до дня, когда мы станем закадычными братцами с прославленным генералом Янем, рукой подать? Я прав? Да, молодой господин Цин Ин?

Сюэ Чун отличался от Е Циньина главным правилом: он действовал исключительно из выгоды. Пока пахло наживой, он был готов хоть грабить, хоть убивать. Именно поэтому пару дней назад он решил, что Е Циньин ему не ровня, и искренне недоумевал, как такой человек вообще дожил до сегодняшнего дня. Сегодня кого-то спасает, завтра заслоняет собой от удара... Да никакой жизни не хватит на такие подвиги!

Он еще пару дней назад втайне крутил пальцем у виска, думая, что Е Циньин круглый дурак, и толку от его боевых искусств, если он ими не пользуется? Но стоило ему снова разыскать напарника, как выяснилось, что тот уже всю якшется с самим Янь Линьчуанем!

Что за фокусы?!

Сюэ Чун ломал голову над этой загадкой, сопоставляя всё произошедшее, и вдруг его осенило: так вот в чём прелесть ранений! Наверняка Е Цинъюн изначально всё так и задумывал. И это ведь не просто попытка сблизиться — он заставил противника искренне поверить в то, что перед ним благородный человек, о котором хочется заботиться. Утвердившись в этой догадке, Сюэ Чун мысленно признал, что мастерству заводить нужные знакомства у Е Цинъюна стоило поучиться.

Придя к такому выводу, он тут же вновь зауважал напарника и решил, что раз у Е Цинъюна такие таланты, их сотрудничество необходимо продолжить, а потому примчался сюда без промедления.

Кто бы мог подумать, что все его лести улетят в молоко: объект по-прежнему холодно держался у входа. Хотя в комнате царил крошечный мрак, Сюэ Чун прекрасно представлял себе это насмешливое выражение лица.

Е Цинъюн пропустил его слова мимо ушей и через некоторое время холодно бросил:

— Откуда ты знаешь, что я здесь? Следил за мной?

Сюэ Чун замялся, но тут же выпалил:

— Следил? Молодой господин Цин Ин, мы вообще-то напарники, наши зоны ответственности должны пересекаться, с какой стати мне специально тащиться за тобой?

Лишь бы ты не путался под ногами — глядишь, и задание выполним быстрее.

Е Цинъюн уточнил:

— Значит, ты следил за Янь Линьчуанем?

Сюэ Чун промолчал. Он и сам не понял, почему вдруг запнулся, но этой секундной паузы хватило, чтобы Е Цинъюн снова приглушенно спросил:

— Ты действительно следил за ним?

Сюэ Чун возмутился:

— Стал бы я за ним увязываться? На то ведь есть ты, зачем мне заниматься пустой тратой времени?

— Кто тебя знает, что у тебя на уме, — парировал Е Цинъюн. — Тогда от кого ты прятался, когда увидел меня?

— Когда это я прятался...

— Янь Линьчуань тебя не знает. Даже если бы вы столкнулись лицом к лицу, ничего бы не случилось. Так почему ты свернул в сторону? Кого еще, кроме меня, тебе нужно было избегать на той улице?

Сюэ Чун опешил от такого напора, но спустя мгновение тихо усмехнулся:

— Люди на редкость правы: Е Циньин от природы подозрителен, с ним и впрямь тяжело ладить. Воспринимать собственного напарника как заклятого врага и подозревать во всём — тебе самому-то не надоело?

Е Циньин на эти уловки не поддался:

— Хватит болтать. Есть что сказать — говори, а нет — убирайся.

— Ладно, раз уж на то пошло, скажу прямо: к этой истории я не имею никакого отношения. Лучше спроси у своего великого генерала, каких он нажил врагов, раз за ним по пятам ходит другая шайка, пристально следящая за каждым его шагом, — Сюэ Чун пожал плечами и развел руками. — Понятия не имею, что это за птицы, но двигаются бесшумно и осторожно предельно. Я собирался лишь прикрывать тебя из тени, но понял, что если продолжу идти по следу, эти люди неизбежно обнаружат меня, поэтому мне пришлось отстать ради собственной безопасности.

Последнюю фразу Сюэ Чун подчеркнул особо — мол, спрятался он вовсе не потому, что Е Циньин обернулся.

— Впрочем, Янь Линьчуань наверняка уже обо всем догадался. Он всю дорогу выискивал их глазами, и это не столько слежка за ним, сколько он сам выманивал их из тени. Ребята эти не простые, судя по их легкой поступи, это тебе не уличные драчуны, — Сюэ Чун усмехнулся с видом заправского зрителя. — Интересно, кому же он перешел дорогу, раз на генерала решили напасть? Потрясающе.

Пока он сам с собой хихикал, Е Циньин хранил молчание, погружившись в какие-то свои мысли. Сюэ Чун не мог разглядеть его лица в темноте, а подождав немного, почувствовал неладное:

— Эй, ты случайно не за Янь Линьчуаня переживаешь? Твоя игра игрой, но при его-то влиянии он в твоей заботе точно не нуждается. Кем бы он ни был, пока он человек из Государства Ся, вам никогда не пойти по одной дороге. Брось эту затею.

Е Циньин не ответил и ничего не стал объяснять, лишь сухо произнул:

— Всё, ты пробыв здесь достаточно долго, можешь уходить...

Он не успел договорить, как за окном послышался резкий шорох — кто-то неаккуратно наступил на сухую ветку, издав громкий хруст. В ночной тишине этот звук прозвучал оглушительно. Оба находившихся в комнате человека вздрогнули, рефлекторно переглянувшись. На улице воцарилось минутное затишье, а затем, убедившись, что в доме тихо, посмертный топот поспешных шагов разорвал тишину.

— Убегает! — цыкнул Сюэ Чун, единым прыжком сорвался с места и через окно выскочил наружу.

Е Цинъюн нахмурился и бросился следом.

За окнами его комнаты тоже росли белые магнолии — пейзаж здесь ничем не отличался от остальной части сада, разве что эта зона находилась на задворках и была столь уединенной, что сюда почти никто не заглядывал. Из-за этого деревья разрослись гуще, и с первого взгляда дорожек среди зарослей было не разглядеть.

Преследуемый ими человек прекрасно знал здешнюю планировку. Сюэ Чун же был мастером погони: развив бешеную скорость, он играючи запер беглеца в тупике. Е Цинъюн поспевал за ним по пятам и вскоре разглядел молодого слугу из Сада Лань — низкорослого и тощего. Пойманный в ловушку Сюэ Чуном, парень трясся от страха, как осиновый лист на ветру.

— Пощадите, умоляю... — слуга увидел, как Сюэ Чун медленно извлекает из ножен длинный меч, и заговорил дрожащим голосом. Заметив вынырнувшего из-за спины убийцы Е Цинъюна, он ухватился за него, как за спасительный круг, и запричитал: — Мо-молодой господин Е...

Лучше бы он молча ждал своей участи. Стоило ему узнать гостя, как Е Цинъюн остановился в пяти шагах, отчетливо понимая: этому человеку живым отсюда не уйти.

Сюэ Чун злобно усмехнулся, извлекая клинок, лезвие которого холодно и безжалостно отражало лунный свет:

— Зови его хоть до посинения, не поможет. Ты же слышал всё, о чем мы говорили? Спешил куда-то так сильно — кому собрался донести?

Е Цинъюн показалось лицо парня смутно знакомым, и он вспомнил, что последние дни именно этот слуга убирал во дворе.

Парень оказался редким неудачником: проснувшись ночью, он проходил мимо и случайно заметил странную вспышку света в окне. Не понимая, в чем дело, и боясь разбудить остальных, он на цыпочках приблизился, чтобы заглянуть внутрь, и невольно подслушал множество страшных тайн. Когда же обитатели комнаты собрались уходить, перепуганный насмерть и лишенный путей к отступлению слуга запаниковал и выдал себя.

Слуги в Саду Лань относились к Е Цинъюну неплохо, и хотя юноша слышал слишком много

лишнего, его мозг упорно отказывался связывать стоящего перед ним Е Цинъина со злодеями:

— Молодой господин Е... Я... правда ничего не слышал...

Е Цинъин смотрел на него. Перед ним действительно стоял совсем юный парень, на лице которого страх и отчаяние отражались без всякой фальши.

— Слышал ты или нет, теперь уже неважно. Раз попался дедушке Сюэ — тебе конец. Ты чего застыл?

Сюэ Чун уже занес руку для удара, как вдруг его запястье перехватили. Кто-то удержал его руку снизу, не давая нанести удар. Е Цинъин неизвестно когда оказался рядом, перехватив его за предплечье, и бросил на Сюэ Чун предостерегающий взгляд:

— Погоди.

Сюэ Чун замер в недоумении и раздражении, злобно бросив:

— Ты что творишь? Только не говори, что решил заступиться за него?

Е Цинъин спокойно ответил:

— Нет. Просто подумай: если мы убьем его, это не решит всех проблем.

Сюэ Чун отдернул руку:

— В смысле?

Е Цинъин опустил ладонь и холодно произнес:

— Ни в каком. В Саду Лань исчезнет человек, поднимется шум, и мне здесь больше не засидеться.

Сюэ Чун на миг опешил, но быстро сообразил и едко парировал:

— То есть ты предлагаешь оставить его в живых? О... только не рассчитывай, что он отблагодарит тебя за добро. Людям нельзя верить: сейчас он дрожит, как кролик, а как только подвернется случай, вцепится тебе в глотку, и тогда несдобровать уже нам обоим...

Е Цинъин нахмурился и легким движением руки прервал его:

— Хочешь убить — убивай, но делай это так, чтобы не мешать мне. Скоро Праздник Будды, и я не хочу, чтобы из-за этого сорвались мои планы... Ты же понимаешь.

Сюэ Чун тихо усмехнулся:

— Понимаю, будь спокоен. Я ведь сам рассчитываю, что ты вернешься со мной за наградой, стану ли я тебе палки в колеса вставлять...

Е Цинъин стоял молча, не произнося больше ни слова.

Молодой слуга невидящим, полным ужаса взглядом смотрел на Е Цинъина. Этот обычно учтивый и мягкий молодой господин сейчас казался бесстрастным посторонним наблюдателем, который просто стоит в стороне, не говоря ни слова. Только что юноша испытал прилив дикой радости, вспоминая ходившие в народе слухи о благородстве Е Цинъина — мол, если тот и связался с этим злодеем, то лишь вынужденно. И в тот момент, когда он ждал от него защиты, прозвучали эти слова.

Оказавшись на краю пропасти, он с отчаянием думал: неужели это и есть тот самый Е Цинъин? Неужели он всё это время водил их всех за нос?

— Е Цинъин, генерал был к тебе так добр, разве ты не совестно...

Он не успел договорить. Рука Сюэ Чун взметнулась вверх, и меч опустился. Юноша осекся, его глаза расширились, и жизнь мгновенно угасла в них, померкнув вместе со светом луны. Он безвольно осел на землю.

Е Цинъин долго стоял неподвижно, не обронив ни звука. Наконец, он молча отвернулся. На небе клубились тучи, лунный свет затянуло дымкой, и вокруг почти ничего не стало видно.

<http://bllate.org/book/25899/3095340>